

Эти события будут происходить в недалёком будущем или уже происходят в настоящем. Время не играет особой роли, ведь история нашего вида циклична и раз за разом повторяется. Просто мы упорно отказываемся замечать и принимать это.

Огромная толпа людей потоком движется по главной улице города, размахивая пёстрыми флагами, держа над собой плакаты и транспаранты, призывы на которых не разобрать. Они что-то отстаивали. Это целиком и полностью их решение, их убеждения, желание изменить мир в лучшую сторону - ну или хотя бы подтолкнуть его в этом направлении, чтобы в атрофированных мозгах людей зародилась мысль, пусть самая малая. Главное ведь дать толчок.

С другой стороны улицы, им навстречу, двигалась чёрная волна полицейских. Надвигалась как хищник к своей добыче, готовый растерзать её в любой момент. В касках, бронежилетах, с щитами в полный рост и маленькими окошками для обзора - в полной экипировке для подавления несанкционированной демонстрации.

Две волны - чёрная и разноцветная - двигались друг на друга, грозясь столкнуться и разлететься сотнями брызг, подобно волнам океана. Как свет и тьма, добро и зло, правда и ложь, нарушители порядка и защитники, правые и неправые - все те крайности, что ведут борьбу уже многие века. И их следующее воплощение вот-вот сойдётся в очередной схватке. Вновь и вновь события будут повторяться, пока обе стороны не поймут всю бессмысленность происходящего и не осознают, что для существования нужно всего лишь принять чужие отличия. Ведь у всего на свете есть две стороны, которые не могут существовать друг без друга.

Но если это так просто, почему же мы не избавились от этого глупого разделения на «правильное» и «неправильное» давным-давно? Что за незримая сила снова и снова заставляет нас повторять те же ошибки? И зачем?

Колесо Сансары делает оборот, и всё начинается с начала. Две волны столкнулись и начали теснить друг друга. Линия столкновения всё время сдвигалась то в одну, то в другую сторону, но силы были равны. Вот невидимая плёнка лопнула, и буйное разноцветье начало разбавляться тёмными красками, а на чёрной поверхности появились вкрапления жёлтого, красного, зелёного, лилового и других цветов. Началась давка. Люди то и дело падали, а другие, не замечая этого, шли по ним. Свои, чужие - это уже не имело значения в общей суматохе. Рвалась одежда, плакаты, флаги, ломались кости и щиты полицейских, голоса смешались в общий гам, и уже нельзя было различить никаких слов. А из-за чего всё это? Уже никто и не вспомнит. Сейчас, когда толпа смешалась, было не важно, кто за что боролся, сейчас у каждого зашкаливал адреналин и эмоции, которые нужно было выплеснуть на любого, кто попадётся под горячую руку. К чёрту причины!

Однако у всего есть одно важное свойство - заканчиваться. Это свойство самое прекрасное, что было создано Богом или природой, или ещё чем-то. Оно необходимо, чтобы не мусолить одно и то же вечно, чтобы жизнь продолжала своё неспешное течение. Начало и конец, альфа и омега - они должны существовать, как свет и тьма. Неразлучные пары Вселенной.

И эта битва, опять же, не стала исключением. Пёстрая часть быстро редела: одних уже задержали и упрятали в фургоны, другие же разбежались сами, когда запахло “жареным”. На улице оставались только те, кто сохранил цель, что стала причиной всего этого. Среди горящих машин и мусора, который раньше был щитами, людьми, флагами, транспарантами, бегали оставшиеся “пёстрые” и полицейские. Это напоминало беготню тараканов на помойке.

Одна девчонка, которая почти ничем не отличалась от остальных “пёстрых”, бегала от трёх полицейских чуть ли не в два-три раза крупнее неё и смеялась громким, заливистым смехом. На ней было яркое платье чуть выше колен, разноцветные полосатые чулки и кеды, два хвостика волос цвета

яркого летнего солнца с забавными зелёными резинками. Она ловко уворачивалась от преследователей, прыгая по машинам и цепляясь за фонарные столбы для поворота, от её звонкого смеха, что наполнил улицу, полицейские распялись ещё сильнее, как быки от красного цвета.

Эта коррида завершилась у бутика с модной одеждой. За прозрачной витриной стояли манекены в разных позах и дорогой одежде кремовых тонов и наблюдали за происходящим пустыми пластмассовыми глазами. Девушка бежала прямо к ним. Полицейские полукругом прижимали её. Тоненькая пёстрая фигурка девушки совершенно не вписывалась в компанию манекенов. Она медленно подняла вытянутую руку, пальцы которой сжимали пистолет, неизвестно откуда у неё взявшийся. Подобрала? Когда только успела? Однако её ход сработал - полицейские остановились, выжидая как волки. Она всё ещё улыбалась. По её вискам катились капельки пота, а дыхание было тяжёлым от быстрого и долгого бега.

“И что теперь?” - мелькало у неё в голове. Во время бега руки сами подобрали валявшийся пистолет. Зачем он ей? Она продолжала держать всех преследователей на мушке, хотя никогда в жизни не стреляла, и параллельно осматривала округу. Почему всё зашло так далеко? Они ведь не хотели всего этого! Это должно было быть всего лишь мирное шествие, а не давка с кучей бессмысленных смертей! Но если она сейчас сдастся, какой тогда вообще смысл был в этом?

И смотря в дуло наставленных на неё пистолетов, девушка вдруг поняла, что они бы не смогли ничего изменить. Осознание этого было похоже на пробуждение от долгого сна. Болезненная правда всегда находилась на виду, но только сейчас была замечена.

- А слона-то мы и не заметили! - смеясь, сказала она то ли полицейским, то ли самой себе и выстрелила себе в голову.

Я смотрел, как она подносит дуло ко рту, как её губы в последний раз криво улыбаются, глаза всё ещё открыты и смотрят в камеру, что мелькала за широкими спинами полицейских. В каждом её движении – отчаяние и нежелание умирать.

Оглушительный выстрел доносится из динамиков телевизора. Из задней части черепа вырывается фонтан алой крови и обрушивается на витрину, стёкла звонко сыпятся окровавленными льдинками на тротуар. Манекены теперь в кроваво-красной одежде, их лица в крапинку, но всё ещё смотрят безучастными глазами - часть декорации в дешёвом спектакле. Безжизненное тело падает подобно марионетке с обрезанными верёвочками, наполовину застревая в витрине, рука цепляется за стоявшие туфли с ценником в несколько десятков тысяч. Будто девчонка не умерла, а вальяжно расселась, ожидая кого-то. Всё это происходило как в замедленной съёмке и выглядело довольно нелепо и даже смешно.

- Что за абсурд? - спросил я пустую комнату и переключил канал. Совершенно неинтересно. Да и какая разница, что происходит где-то там, меня это всё равно не касается.

Лицо девчушки сменяло выражения одно за другим: растерянность, страх, отчаяние и медленное осознание чего-то. А напоследок она рассмеялась. Громко, заливисто, будто смеялась над собственной глупостью. «А слона-то мы и не заметили!» – были её последние слова. Это не было похоже на жест отчаяния. Мне показалось, что она поняла что-то очень важное, но отказалась принимать. Это было протестом. Последний протест, который она могла себе позволить.

На пару секунд мы замешкались, но работу нужно выполнять до конца. Мы с напарниками начали отгонять налетевших папарацци, чтобы прибывшие

медики могли убрать тело. Они уже убрали большую часть трупов, и этот был последним. Его быстро уложили в пластиковый пакет и унесли...

Уже поздно ночью, лёжа в постели, я всё думал: “Про какого же слона она говорила?”. Перед глазами вновь и вновь проносились её последние эмоции и момент выстрела. Что такого она поняла, что заставило её покончить с собой?

Налив выпить, я уселся за стол и открыл файл с личными делами всех, кто участвовал в демонстрации. В большинстве своём это были самые обычные люди, которых и подозревать не станешь, у некоторых были семьи, родные; на работе о них отзывались в стиле “Он был обычным работником, тихим, трудолюбивым. Я и подумать не мог, что он из *этих*”. Такие люди всегда оказываются латентными активистами, из-за которых и начинаются подобные демонстрации. Порой их натура скрыта даже от них самих, и до определённого события они даже не подозревают о ней.

Я дошёл до дела той девушки. По каким-то причинам она вызывала во мне интерес. Днём мы беседовали с её матерью в участке. За пятнадцать минут разговора я не заметил ни капли скорби от потери дочери на её лице. “Она всегда была странной, - говорила она, осматривая свой маникюр. - С ровесниками почти не общалась, школу часто прогуливала, всё время будто в облаках витала. Ещё и одевалась не как нормальные девушки её возраста, мне с ней даже стыдно было рядом ходить!” Я слушал её и думал, как можно говорить подобное о своей дочери и быть настолько спокойной, после того, как та застрелилась?

И снова перед глазами всплывало её лицо. Она не хотела умирать, но продолжать жить было для неё ещё хуже. Осознание чего было для неё так ужасно, что заставило покончить с собой? Мне не давал покоя этот вопрос. Я снова и снова натыкался на него, а ответ всё так же оставался скрыт. Чем дольше я сидел над этим делом, тем больше вопросов у меня возникало. Уже

под утро голова пошла кругом, и я выпил снотворное, чтобы поспать хотя бы несколько часов, однако решил во что бы то ни стало найти ответы.

Следующим вечером, после дневной смены, я решил заехать на ту улицу, где шествовали демонстранты. Не знаю, что именно, но что-то тянуло меня туда. Мне казалось, что если я окажусь у той самой витрины, у меня получится понять что-то.

Я ошибался. Вот я стою на том самом месте, что девчушка, вижу то же, что и она в тот момент, но ничего не понимаю. Я пытался представить себя на её месте, но и это не помогло. Будто что-то, какая-то важная деталь, продолжала ускользать. Я не мог заметить того слона...

- Офицер? - женский голос вывел меня из задумчивости. Я и забыл, что всё ещё был в форме. Женщина передо мной была в дорогом на вид деловом костюме и держала в одной руке стаканчик с кофе, в другой - телефон. - Как хорошо, что я встретила вас. Не придётся ехать в участок.

- Вы что-то хотели?

- Да, - она отвлеклась на телефон и начала быстро набирать кому-то сообщение. Я ждал и наблюдал за её движениями. Она создавала впечатление уверенной в себе бизнесвумен, которая способна дать фору многим мужчинам; такие точно знают, чего хотят от жизни и добиваются своих целей любой ценой. - Простите, срочное дело. Это мой магазин, и я хотела бы узнать, как скоро смогу получить компенсацию за разбитое стекло и открыть магазин.

- Очень скоро мы закончим и откроем улицу, - ответил я. - Насчёт же компенсации я ничего вам сказать не могу, вам лучше обратиться в страховую фирму.

- То есть полиция не собирается разбираться с тем, что какая-то хулиганка разбила витрину моего магазина и испортила товар? - возмутилась женщина.

- Простите, но это не в моей компетенции.

Это ещё больше разозлило женщину, но она молча развернулась и направилась к своему автомобилю. После её ухода я несколько минут был в ступоре. Меня шокировало то, что её совершенно не волновало самоубийство девушки, никакой жалости. И ведь она не была первой. За шесть лет работы копом я не раз встречал таких людей, но раньше их равнодушие и эгоизм не так сильно бросались в глаза. Сейчас же буквально в каждом я замечаю эти качества. Все вокруг насквозь прогнили. Они думают только о себе, чужие же проблемы лишь вызывают у них раздражение. Эта демонстрация, приведшая к стольким жертвам, вызвала только негативный отклик у окружающих и доставила лишние неудобства: дополнительную работу уборщикам, временное закрытие магазинов и целую разбитую витрину с испорченным товаром!

Я осознавал это и не понимал, когда мы стали такими равнодушными? Когда наши сердца перестали трогать подобные события? Думать об этом было ужасно, но, что ещё хуже, это было правдой. Мы действительно стали бездушными существами.

Это и был тот незамеченный слон?

- Что за абсурд? - спросил я пустую комнату и переключил канал. Совершенно неинтересно. Да и какая разница, что происходит где-то там, меня это всё равно не касается. В тот момент я действительно думал, что меня это никак не коснётся, но у Вселенной другие планы...

Тем же вечером друзья предложили встретиться, посидеть в баре. Естественно, мы выпили и решили сходить на ту площадь, где проходила утренняя демонстрация. Кто бы мог подумать, что это случилось так близко? От осознания этого было немного не по себе, но алкоголь успешно заглушал голос разума и лишние мысли. Мы пробрались через запрещающие ленты и начали осматриваться. Кругом валялся только мусор, как и ожидалось, все тела увезли ещё утром, но пятна и лужи крови остались. Улица казалась

непривычно пустой ночью и даже зловещей из-за отсутствия освещения. Мои пьяные друзья забавлялись с рваными транспарантами и затоптанными флагами, их гогот разносился по всей улице, делая атмосферу ещё более мрачной - во всяком случае мне так казалось. Я же стоял и прокручивал в голове прямой эфир. Мне легко удалось представить себе толпу людей, шум их голосов... Я будто стоял в самой гуще событий, ощущал всё происходящее, был частью этого. И всё уже не казалось таким абсурдом.

“Думай о..” - гласил обрывок плаката под моими ногами. Думать о чём? Я мог думать только о том, что меня начинало тошнить. На негнущихся ногах я подошёл к магазину и сел у стены прямо на асфальт. Стекло под кроссовками захрустело, но мне было плевать. Я закрыл глаза, смех друзей начал казаться мне отвратительным. Зачем мы вообще пришли сюда...

Парни продолжали беситься дальше по улице, я уже почти не слышал их. Внезапно обрушилась оглушающая тишина. Она давила на барабанные перепонки и вызывала необъяснимое чувство страха или, скорее, тревожности. Сидя в темноте и тишине, я всё думал о том, что мои друзья забыли про меня и ушли. Я не смеялся с ними над тупыми шутками, стал для них скучным, и они просто вычеркнули меня из компании будто какого-то фрика. Но меня это не сильно задело, потому что сам я начинал испытывать к ним странное отвращение.

Я собрался подняться на ноги и вернуться домой, но меня остановили манекены. Те самые манекены, перед которыми застрелилась та девчонка из новостей. Мне стало не по себе. Они всё так же стояли в кроваво-красной одежде и брызгами на белоснежных лицах. И я вспомнил те абсурдные слова про незамеченного слона. Что она имела ввиду? Неужели из-за этого она и застрелилась (сомневаюсь, что она боялась наказания)? Что такого она поняла, что заставило её застрелиться? Что может быть страшнее неизвестности смерти?

На следующее утро я сидел за столом и вяло жевал тост. Хотелось спать, да ещё и голова раскалывалась. Через минут десять после меня на кухню вошла мама, привычно включила телевизор и начала заваривать себе кофе. В эфире говорили про вчерашний митинг, рассказывали, что все задержанные будут освобождены завтра.

- Таких, как они, нужно за решётку сажать, а не освобождать, - прокомментировала мама.

- Ты же понимаешь, что если они будут сидеть, наши деньги пойдут к ним в рот? - спросил я. Почему-то мне хотелось встать на сторону протестующих. - К тому же, не думаю, что полиции стоило вмешиваться. Ведь только после их вмешательства началась вся та суматоха.

В ответ я получил лишь взгляд из разряда “Что ты можешь понимать, ты же ещё ребёнок”. Ведь моё мнение не имело значения. Я был “ребёнком”, а этого уже достаточно, чтобы с твоим мнением не считались более умные “взрослые”. Если говорить правду, все посчитают тебя наивным ребёнком, который ничего не понимает. Хотя я начинал понимать.

Неожиданно для самого себя я начал замечать такое однобокое мышление в окружающих меня людях. Они все были похожи: одевались одинаково по моде, говорили на одни темы и думали одинаково. Пустышки. Несколько раз, чисто из интереса, я пытался завести разговор на более серьёзные или неоднозначные темы, чем обсуждение кого-то. Результат был один - на меня смотрели как на сумасшедшего и переводили тему, либо уходили. Им были интересны только темы, касающиеся непосредственно их, либо же унижающие кого-то другого. Даже обсуждение вчерашнего шествия перерастало в недовольство перекрытия улицы, где стоял чей-то любимый бутик.

Этот процесс увлёк меня. Мне стало интересно, почему подавляющему большинству настолько претит мысль хоть как-то отличаться - мнением, знаниями или, на худой конец, внешним видом. И почему всех вокруг заботят

только их личные дела. Чем больше я думал об этом, тем сильнее отдалялся от старых знакомых. Начав замечать в них схожие черты и манеры поведения, я уже не мог остановиться и чувствовал рядом с ними лишь скуку или отвращение. Почему я не мог перестать думать об этом?

Давайте вновь вернёмся в то утро, когда по торговой улице шли люди с плакатами и призывами. Помните? Они что-то отстаивали. Их никто не заставлял это делать. Это было целиком и полностью их решение, их убеждения, желание изменить мир в лучшую сторону - ну или хотя бы подтолкнуть его в этом направлении, чтобы в атрофированных мозгах людей зародилась мысль, пусть самая малая. Главное ведь - толчок в нужном направлении.

Вспомнили? Отлично.

Болезненная правда находилась на виду, но малая её часть всё же была скрыта. Слон не прятался, однако мы не видели его целиком. Та прятавшаяся ото всех часть была как раз тем, что хотела увидеть девушка перед смертью. Она хотела видеть изменения, но не подумала о том, что для этого может потребоваться время. Даже малый толчок может круто изменить траекторию движения астероида и спасти Землю от столкновения, но на это уйдёт много лет. Возможно, и людям просто нужно больше времени для изменения своей траектории.